

машине остановиться в каком-нибудь кишлаке, и с нее исчезало абсолютно всё, что можно открыть, причем быстро... Помню довольно любопытный случай, когда мы уже вышли в Союз, только пересекли Мост Дружбы, остановились в Термезе. Колонна тормознулась в деревне. Естественно, люди были наши, советские. Вышли из домов поприветствовать... И тут по радиостанции проходит команда, привычная до боли: «Бачу к машинам не пускать!». Хохоту было!.. То есть мысленно мы были все еще на той стороне, хотя были уже в Союзе...»¹⁸. Сработал приобретенный «за речкой» защитный рефлекс.

С другой стороны, нельзя было не заметить разительные контрасты местной жизни: Афганистан существовал одновременно как бы в двух измерениях – в темном средневековье и в «просвещенном» XX веке, причудливо сочетая признаки и того, и другого. «Конечно же, нашей первой точкой оказался базар, – рассказывает рядовой А.Г. Банников, служивший в Афганистане в 1985–1986 годах. – Мы словно попали в века минувшие: дехкане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированные в стены, на корточках сидели то ли нищие, то ли хозяйева этих магазинчиков... Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспорядочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи...»¹⁹. То же можно сказать и об оружии: начиная войну с дедовскими «бурами», душманы вскоре получили и освоили самое новейшее вооружение вплоть до ракетных установок. Средневековое по уровню сознания общество успешно противостояло современной армии, используя против нее как современные средства ведения войны, так и тактику партизанских действий, основанную на вековом опыте и знании местности, тесном взаимодействии боевиков с «мирными» жителями.

Второе впечатление – огромная религиозность местного населения. Для людей, в большинстве своем воспитанных в духе атеизма, подобная атмосфера была особенно непривычна и неожиданна. Вот как описывает свои впечатления рядовой А. Бабак, проходивший службу в Кабуле и Шиндане в 1980–1982 годах: «Что в первое время очень удивляло, так это намаз в мечетях. Пять часов утра, до подъема еще час самого сладкого солдатского сна, а тут вдруг проповедь муллы из громкоговорителей. Жили в палатках – все было слышно. Голос у муллы какой-то жалобный и вместе с тем требовательный. Бывало, даже невольно посочувствуешь: уж больно беспокойная должность у человека. С утра до вечера служит Аллаху»²⁰.

Пожалуй, наблюдая скрупулезное соблюдение религиозных обрядов как душманами, так и правительственными войсками (когда, например, посреди боя и «духи», и «сарбозы» дружно прекращали стрельбу и опускались на колени, чтобы совершить намаз), советские солдаты сильнее всего могли ощущать, что это чужая война и как неуместно их вмешательство во внутреннюю жизнь этой страны. Различие культур обуславливало и специфику ведения советскими войсками боевых действий: они были свободны от многих психологических барьеров, характерных для их союзников-царандоевцев. Так, ефрейтор А. Шатров, служивший в Афганистане в 1982–1984 годах, вспоминает, что во время одной операции они «выловили больше сотни человек из банды, которая основательно трепала наши войска. Правда, нарушили мусульманский обычай – проверили женские покои, которые есть в каждом доме. Бандиты в них и прятались, закутавшись в женскую одежду и паранджу. Афганские солдаты, которые до этого несколько раз «чесали» Самаркандиан, туда не заходили»²¹.

Восточные традиции и религиозный фанатизм проявлялись во всем поведении моджахедов: убить врага и надругаться над его трупом считалось особой доблестью; обычным делом были зверские расправы над пленными; своим за любую провинность рубили головы²². Весьма характерно и отношение «духов» к опасности: все они смелые воины, но это смелость особого рода, основанная на исламском фатализме, покорности судьбе, то есть воле Аллаха. Погибнуть в бою, пролив кровь за веру, – значит обеспечить себе пропуск в рай, но при этом они панически боятся